

Философия и культура*Правильная ссылка на статью:*

Воробьева Е.Ю. Архетип Матери как субстанциальная константа социоантропологической метафизики // Философия и культура. 2024. № 11. DOI: 10.7256/2454-0757.2024.11.70383 EDN: NHWQUM URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=70383

Архетип Матери как субстанциальная константа социоантропологической метафизики

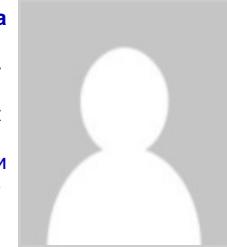
Воробьева Елена Юрьевна

ORCID: 0000-0003-3588-9404

кандидат философских наук

доцент, кафедра социальных и гуманитарных дисциплин, АНОО ВО «Сибирский институт бизнеса и информационных технологий»

644116, Россия, Омская область, г. Омск, ул. 24 Северная, 196/1

[✉ velena-05@mail.ru](mailto:velena-05@mail.ru)[Статья из рубрики "Онтология: бытие и небытие"](#)**DOI:**

10.7256/2454-0757.2024.11.70383

EDN:

NHWQUM

Дата направления статьи в редакцию:

06-04-2024

Аннотация: В эпоху деконструкции метафизики модерна все так же актуален поиск незыблемых опор гиперизменчивого бытия. Проблему исследования можно обозначить как необходимость рассмотрения архетипов в качестве метафизических категорий социоантропологических систем, способных задать мировоззренческие рамки концепциям, осмысливающим изменчивую картину мира. Выраженные в онтологических и иных философских категориях мировоззренческие универсалии возникают из предшествующих рациональным системам конструктов мифологического сознания, являются их «общебытийными» проекциями. Но определить особенности национальных архетипов можно только в сравнении с иными культурно-историческими системами. Мы ставим задачу рассмотреть в качестве субстанциальной константы русской цивилизации архетип Матери, что невозможно сделать вне общефилософского контекста. Данный архетип трактуется как устойчивый феномен коллективного бессознательного, оказывающий системообразующее влияние на философскую картину мира в условиях

неопределенности. Методами исследования выступают гендерно-архетипический подход, метод палимпсеста и, отчасти, компаративистика. С применением этих методов были проанализированы концепции русской религиозной философии, этнографические, социологические разработки, литературные произведения и памятники русского искусства. Образы коллективного бессознательного являются составной частью картины мира и проникают в структуру бытия. Исследователь архетипов рано или поздно приходит к констатации их многослойности, уходящей корнями в субстанциальные глубины. Не смотря на социальные изменения, вызовы, встающие перед народом и страной, остались теми же, что и сотни лет назад. И ответы на эти вызовы остаются прежними, базирующимися на свойствах архетипа Матери вообще, и особенностях, формирующих цивилизационный архетип в его универсальном и уникальном измерениях. Можно утверждать, что образ Родины-Матери является проявлением основных характеристик архетипов Матери-Сырой-Земли и Богоматери. Это позволяет сделать вывод об онтологичности архетипа Матери, сопряженного с самим существованием цивилизации и культуры России.

Ключевые слова:

метафизика, социоантропология, русская культура, метод палимпсеста, православие, архетип, символ, Мать-Сыра-Земля, Богоматерь, Родина-Мать

Введение

В современную эпоху турбулентности настоящего и низкой предсказуемости будущего не только не исчезла, но даже усилилась актуальность поиска незыблемых опор изменчивого бытия. Их идентификации может способствовать археология смыслов. Кристаллизованные в онтологических и иных философских категориях мировоззренческие универсалии возникают из предшествующих рациональным системам конструктов мифологического сознания, являются их «общебытийными» проекциями. В этом смысле архетипы фундаментальнее «идеи» и «материи», «объекта» и «субъекта», «вечности» и «временности» и т. п. В самом общем виде их формы свойственны всем цивилизациям, но конкретное содержание зависит от культурного и исторического наполнения. Корни, общие для рода, племени, нации уходят в глубины коллективного бессознательного, в конечном счете именно оттуда мы черпаем образцы поведения и содержание базовых установок. «Архетипы были и остаются душевной жизненной мощью, которая желает, чтобы ее приняли всерьез, и которая причудливым образом следит за тем, чтобы выказать себя» — констатировал К. Г. Юнг [1, с. 352]. Археология смыслов вводит каждого из нас одновременно и в общечеловеческое мировоззренческое пространство, и в пространство национальной культуры, предоставляет доступ к наследию предков, формирует позицию, основываясь на которой принимаются судьбоносные для мира решения. Но определить особенности цивилизационного менталитета можно только в сравнении с иными культурно-историческими системами, нахождении точек соприкосновения и расхождения.

Проблему исследования можно обозначить как необходимость рассмотрения архетипов в качестве метафизических категорий социоантропологических систем, способных задать мировоззренческие рамки концепциям, осмысливающим изменчивую картину мира. В рамках этой обширной темы мы ставим задачу рассмотреть в качестве субстанциальной константы русской цивилизации архетип Матери, что невозможно сделать вне общефилософского контекста. Для изучения данного феномена культурной реальности

нами используется метод палимпсеста. Им предполагается, что поверх затертых записей нанесены свежие, однако то, что было написано ранее, неизбежно просвечивает через «последующие тексты», знаменуя не только воздействие прошлого на настоящее, но и предрешенность характеристик нового способа бытия [2]. В поисках смыслов, сконцентрированных в образах коллективного бессознательного, необходимо преодолеть временные пласти, чтобы символы настоящего времени обрели выпуклость и глубину.

Внимание к мифологическим истокам современной культуры отражено в исследованиях Г. А. Антипова, О. А. Донских [3], А. И. Давыдова [4], Н. В. Афанасьева, К. В. Лукиной [5]. Социокультурный аспект конструирования реальности с помощью мифа рассмотрен В. Л. Тихоновой [6], Н. П. Волковой, А. А. Волковой [7]. Изучение архетипов и их влияния на культуру разных стран и народов предпринято А. Кадиром и Т. Тиайнен-Кадир [8], Ю. Шаевым, Е. Самойловой [9], Ю. А. Веселовым [10]. Социологический аспект символа Родины-Матери раскрыт О. В. Рябовым, Т. Б. Рябовой [11] и А. А. Романовой [12]. Предметом нашего исследования вступает архетип Матери как устойчивый феномен коллективного бессознательного, оказывающий системообразующее влияние на философскую картину мира в условиях неопределенности.

Архетип как метафизический конструкт

Архетип Матери — это универсальная априорная категория бытия, присутствующая во всех без исключения цивилизациях. Инанна, Иштар, Кибела, Нюйва, Шакти и т. д. олицетворяли процессы создания мира, управления природой, покровительства всем существам, населяющим землю. Они старше, чем само человечество, потому что даровали жизнь первым людям и все, связанное с рождением и смертью, находилось в их власти. Наиболее последовательно данный архетип представлен в основанных на материалах европейской и латиноамериканской культуры исследованиях юнгианцев, согласно которым женское начало персонифицировалось в образах Коры и Деметры; единой Девы-Матери-Старухи (К. Г. Юнг, К. Керены [13, с. 121-178]); Дикой Женщины (К. П. Эстес [14]). Все женские образы сводились в обобщенный архетип Великой матери (Э. Нойманн [15]), почти теряющийся в многообразии характеристик. «Любящая и страшная мать» дарит благо, воплощает плодородие и изобилие, оргиастическую эмоциональность и стигийские глубины, ее символы и манифестации отражают мечту о преодолении смерти и одновременно суют опасность. В роли неумолимого рока Мать представлена мойрами, Грайями, норнами.

Указанные работы концентрируются на особенностях проявления архетипов в национальных культурах, но можно выделить и общие характеристики. Универсальным свойством архетипа Матери выступает процессуальность: сопряжение череды смертей и рождений в непрерывную цепь жизни. Значимость единичного бытия теряется перед важностью бытия общего, и пока существует мир, существуют также те, кто в него приходит и его покидает. Индивидуальная смерть не имеет значения, круговорот жизни вечен — в этом заключена тайна бессмертия. Уникальные свойства отражают происходящие в культуре исторические изменения, темпоральный аспект развития образов коллективного бессознательного, которые обогащаются не присущими ранее смыслами.

Мать-Сыра-Земля: архетип Матери в архаичной русской культуре

Архетип Матери в русском мировосприятии содержит и универсальные, и уникальные

характеристики. Подобно европейской и восточной формам он обращен к сохранению вечной цепи рождений-смертей-рождений, преумножению земных плодов, проявлению стихийной мощи природы. Но наряду с этими свойствами вмещает смыслы доброты и строгости, снисходительности и требовательности, безграничной любви к своим детям и готовности жертвовать отдельным индивидом ради сохранения общности. На первый взгляд архетип видится триединым, но все три его воплощения являются «временными пластами», «записями, поверх стершихся записей» старинного палимпсеста.

Из всех языческих богов древнерусского пантеона Мать-Сыра-Земля наиболее часто упоминается в дошедшем до нас отзвуке мифа — фольклоре. Как и античная Гея, она не выступает самостоятельной героиней, но лишь укрывает, утешает, кормит и судит героев. Это общая родина бедных и богатых, умных и глупых, праведников и грешников, счастливых и несчастных. «От земли взят, землей кормлюсь, в землю пойду», — такова квинтэссенция народной мудрости, воспроизведенная русским этнографом рубежа XIX–XX вв. А. А. Коринфским.

Его исследования пословиц, поговорок, песен и сказаний крестьян нижегородско-самарского Поволжья вносят в эту характеристику еще несколько штрихов. Так, любовь Матери безгранична, ее заботу и щедрые дары получает каждый: «Как ни добр кто, а все не добрей Матери-Сырой-Земли: всяк приючет семью до гробовой доски, а земля приютит и мертвого!». В ответ требует лишь честности: «Не моги соврать, — земля слышит!» [\[16, с. 28\]](#). Далее, Мать-Земля терпелива, носит на себе всякого человека, и доброго, и злого, но есть злодеяния, которые она не прощает: «Грех греху рознь, с другим и сквозь землю провалишься!». Нарушителю социальных и моральных законов грозит кара «земля не примет» или «не будет носить». Например, в былине о Василии Буслаеве в уста его матери вложены такие строки:

«То коли ты, дитя, на разбой пойдешь,

И не дам благословения великого.

А и не носи Василья сыра земля!» [\[17, с. 818\]](#).

Наказанием же за преступление, совершенное всем народом, назначен неурожай, бесплодие Земли-Кормилицы, ставящее его на грань выживания.

Универсальные свойства архетипа проявились в стирании границы между живым и мертвым, как, например, в свадебной песне, записанной А. И. Кастериным в Пошехонье в XIX в. В тексте выражена просьба к Матери-Сырой-Земле расступиться и пробудить отца и мать лирической героини, чтобы она могла оплакать свою прошлую жизнь, заканчивающуюся с момента вступления в брак, и проститься с умершими родителями [\[17, с. 507\]](#). Зыбкость границы зафиксировали и народные сказки («Сивка-бурка» и т. п.). Непосредственное общение с предками, отраженное в народных сказаниях и традициях — признак влияния материнского архетипа во всех развитых культурах.

Уникальным же свойством выступает превышающая любую прочую силу хтоническая мощь Матери, что наиболее наглядно показано в былине о Святогоре, предводителе богатырской дружины. Он олицетворял воплощение чудовищного могущества, не имеющего прямого применения и ставшего тяжким бременем не только для себя, но и для мира. Богатырь бросил вызов земле, и она ответила, положив на пути котомочку, в которой «тяга-держава земная лежит». Святогор не смог ее поднять, проиграл поединок силы, но не отстранился от Матери, как это делает юнгианский Божественный Ребенок в процессе индивидуации. Напротив, он погрузился в землю, слился с ней, чтобы питать

стихийную силу народа, рождающего новых богатырей: «И разошлась Святогорова мочь-силушка от той ли каменной горы по всей земле православной; и бродит она под каждой пядью земной вплоть до наших дней, появляясь на белый Божий свет ненадолго в стихийной силе народной, порождающей людей богатырски мощного духа» [16, с. 31]. Такие люди помогают выжить обществу в самые горькие дни испытаний — Мать-Сыра-Земля хранит своих детей, потому что без них она сирота.

В «Слове о полку Игореве» Мать-Сыра-Земля обретает территориальную принадлежность в противопоставлении с землей Половецкой и принимает участие во всех радостях и печалах народа: посыпает предупреждение о неудаче похода, горюет о погибших воинах, печалится о княжьих усобицах, ведущих к разорению. Произведение пронизано мыслями о том, что только такие битвы, победа или гибель заслуживают признания, какие совершаются не ради чести и славы, а ради блага Русской земли; что раздор в рядах сыновей оставляет Мать беззащитной, и об этом тоже надо помнить.

Таким образом, мы можем выделить следующие свойства первого слоя русского архетипа Матери:

- универсальные: олицетворение природной стихии, воплощение плодородия, воспроизведение круговорота жизни и смерти, связь с мертвыми, неотвратимость кары за преступления против естественного порядка вещей;
- уникальные: непреодолимая мощь, единство и равенство живущих на земле, воинский дух народа, его готовность защищать Мать.

Ценность совместной деятельности на благо страны и честности перед собой и обществом, свойственные образу Матери-Сырой-Земли, легла в основу цивилизационного ядра русской культуры.

Богоматерь: архетип Матери в православной русской культуре

С началом христианизации на Руси начала создаваться высокая культура «византийского типа», которая не только не опиралась на языческие традиции, но и прямо противопоставлялась им [18]. Но для того, чтобы христианство стало для общества по-настоящему «своим», необходимо было включить новые смыслы в порядок прежнего мира.

Концепция «Святой Руси» возникла на русской почве, в том числе, дополнением архетипа Матери особым прочтением образа Богородицы. «Почему же Свято-Русь-земля всем землям мати?», — спрашивал герой народного стиха о «Голубиной книге» и получал ответ: «А в ней много люду христианского, они веруют веру крещеную, крещеную-богомольную, Самому Христу, Царю Небесному, Его Матери Владычице, Владычице Богородице; на ней стоят церкви апостольские, богомольные, преосвященные, они молятся Богу распятому...» [16, с. 34-35]. Принципиальное равенство детей Матери-Сырой-Земли наложилось на позицию «нет ни эллина, ни иудея» и послужило истоком как общинности, так соборности русского народа. Богоматерь становится небесной хранительницей русской земли, принимает деятельное участие в значимых событиях повседневной жизни человека, общества, государства. К ней обращаются с мольбой о снятии порчи или укреплении здоровья, повышении урожайности полей, установлении правильного социального порядка. А. А. Коринфский приводит свидетельство о том, что еще в XI-XII вв. при спорах о чересполосных владениях было принято ходить по меже с куском вырезанного на спорном поле дерна на голове, а уже в XVI в. то же самое

действие совершалось с иконой Богоматери на голове. Чтобы спастись от бед и напастей, нужно было собрать землю из-под сохи на первой борозде и хранить за иконой «Всех скорбящих Радость» [16, с. 41]. Религиозный праздник в честь спасения Константинополя, который Матерь Божия покрыла своим омофором, в народном сознании был интерпретирован как возможность каждому христианину прибегнуть к защите высших сил в любой момент: «Зорька-зоряница, красная девица, Мать Пресвятая Богородица! Покрай мои скорби и болезни твоей фатою! Покрай ты меня покровом Своим от силы вражьей!» [16, с. 507]. Казанской иконой Божьей Матери был благословлен поход народного ополчения под предводительством К. Минина и Д. Пожарского, положивший конец Смуте, и православные богословы отмечали, что вражеским нашествиям или внутренним кризисам часто предшествовало обретение чудотворных образов Богородицы.

В русском и вообще православном иконотворчестве наиболее распространен образ Богоматери, как бы компенсирующий ограниченную библейскую роль Марии — родительницы Спасителя. Как известно, иконы с их обратной перспективой изображают далекое и высшее детально, а близкое и низшее — схематично, как нечто незначительное. Русская иконопись, это «умозрение в красках» (Е. Н. Трубецкой), утверждает истинным внеземное бытие, «жизнь вечную» в духовном обличье. Русский способ бытия — стремиться к высшему, не фокусируясь на повседневных мелочах, но Матерь Божия одухотворяет также земное существование, придает ему смысл. Ее образ одновременно трансцендентен и имманентен, далек и близок, сакрален и профанен. В архетеипе рафинированные плоды элитарной культуры соединяются с корнями культуры народной, высшие проявления сознания с глубинами бессознательного. В. В. Розанов констатировал значимость его воздействия: «Поэтому-то народы, особенно наш глубокий русский, и поклонились, и свели все почти христианство в поклонение “Скорбящей Божией Матери”, “Нерушимой Стене”, “Упованию рода человеческого”. Какому “упованию”? Да вот, своей собственной скорби. В ней мы все солидарны» [19, с. 238]. Но архетип форсирует не только скорбь земного существования, достаточно перечислить еще часть названий из списка чудотворных икон: «Живоносный источник», «Нечаянная радость», «Прибавление ума», «Слово плоть бысть», «Спорительница хлебов» и т. п. — им поклонялись не меньше, и отражали они не менее важные для народа грани образа Матери.

Историческое развитие элитарной и народной культур наделило данный темпоральный образ Матери универсальными свойствами, присущими православным христианским архетипам вообще, и уникальными, обогащенными характеристиками Матери-Сырой-Земли. Благодаря широкой палитре смыслов, свойственной образу Богоматери, религиозные формы сознания органично вплелись в философские и литературные практики русской культуры. Русская религиозная философия конца XIX-начала XX вв. формулирует идею «общего дела» (Н. В. Федоров), суть которой состоит в объединении всего человечества для преодоления смерти и воскрешения умерших, что явно отсылает нас к универсальным свойствам архетипа, постулирующим бессмертие не только духовное, но и телесное. Эта на первый взгляд оторванная от практической стороны жизни мечта философа дала толчок к развитию биоинженерных исследований и космонавтики.

Концепция всеединства В. С. Соловьева предполагает «осуществление в братском союзе с остальными народами идеала всечеловечества», которого способен достичь русский национальный дух, ибо именно он «может внутренно понимать все чужие элементы, любить их, перевоплощаться в них» [20, с. 115]. Так проявляется архетипическое

равенство в телесном и духовном пространстве, выраженное в общинности и соборности.

Характерно для мыслителей данного направления и утверждение христианской любви, которая отличается от любой другой «своей мистической глубиной, обличается тем, что она есть связь глубины с глубиной, мост, переброшенный от одной бездны сердца к другой» [21, с. 276]. Символом безоговорочной любви в русской культуре XIX в. окончательно утвердился образ Богоматери, а архетип Матери проявил себя в качестве системообразующего элемента трансцендентальных схем.

К той, кто познал горе утраты, кто сопереживал страданиям грешников в Аду («Хождение Богородицы по мукам») и может облегчить тяжесть земного бытия, обращаются за милостью, заботой, поддержкой. Мать Божия не судит, не карает, она укрывает своим покровом, сохраняет и сберегает огоньки человеческих душ, трепещущих под натиском суровых ветров, терзающих Русь Святую. Даже если человек потерял физическую связь с русской землей, духовная связь остается неразрывной: «В эмигрантской поэзии главной идеей, связанной с образом Богоматери становится идея Покрова Богоматери, идея Защиты, Небесного Покровительства. Образ Богоматери сближается с образом утерянной России. Поэты, потерявшие земное Отечество, ищут Отечество Небесное», — отмечает Е. Ф. Казаков [22. с. 207]. Культурная картина очередного переломного момента русской истории показывает, что чудесное обретение образа Богоматери в прозе, поэзии и философии не случайно.

Таким образом, мы можем выделить следующие свойства второго слоя русского архетипа Матери:

- универсальные: олицетворение небесной благодати, защиты и покровительства, мистический аспект единения с трансцендентным, любовь к ближнему;
- уникальные: духовное единение и равенство, спасение от внешних и внутренних бед, милосердие, покровительство здоровью и плодородию.

Родина-Мать: архетип Матери в современной русской культуре

Для христианства как мировой религии конфессиональная общность важнее общности территориальной, но русская православная культура своеобразна тем, что конфессиональную и территориальную общность объединила концепцией «Москва — Третий Рим». Входящие в состав Российской империи новые земли из враждебных становились частью общей, а государственная политика приводила под покров Богородицы и язычников, и иноверцев, разделяющих ценности, входящие в ядро русской цивилизации. В XIX в. русский архетип Матери, кроме традиционной телесной и духовной сторон, обогатился государственной компонентой и в XX в. воплотился в образе Родины-Матери.

Архетипы актуализируются тогда, когда цивилизация проходит точку бифуркации, оказывается в «пограничной ситуации» и встречается с угрозой своему существованию. Полузабытая мифическая Мать-Сыра-Земля «неграмотных крестьян», отторгнутая атеизмом как символ «церковного мракобесия» Богоматерь — Мать Земная и Небесная — воссоединились в 1941–1945-е гг., чтобы прорости онтологическим базисом для радикально изменившегося социума. Родина-Мать смогла собрать свой народ воедино, не дать рассеяться в безвременье социальных потрясений.

Формирование архетипа пришлось на начало Великой Отечественной войны, когда прозвучало обращение: «Братья и сестры...». Все, кто ходил по земле: счастливый и

несчастный, умный и глупый, пламенный большевик и аполитичный беспартиец — не только уравнивались революционным сломом сословий в социальном аспекте, но и собирались в цивилизационный круг детей Матери-Сырой-Земли. Некоторые исследователи (например, А. И. Вдовин [\[23\]](#), Ю. С. Воронов, Н. В. Любезнова [\[24\]](#)) полагают эту формулировку начала исторической речи И. В. Сталина отзвуком его семинаристского прошлого, но, на наш взгляд, оно стало невольным обращением к фундаментальному архетипу цивилизационного ядра России, над которой нависла угроза уничтожения. Важно не то, кто сказал — важно то, кто откликнулся. Это было обращение к глубинным пластам культуры, и отклик колективного бессознательного народа последовал незамедлительно. Плакаты военного времени показывают, что в мировом конфликте сошлись в схватке базовые архетипы разных цивилизаций. Мать собрала в жертвенный круг потомков Святогора-богатыря, на это оказалась способна только она.

Это аспект архетипа Матери максимально полно раскрылся после победы. Государство, как свойственно традиционному носителю универсальных характеристик другого архетипа, архетипа Отца, восславило погибших героев, дав им бессмертие человеческой памяти, символами которого издревле считались кенотафы и памятники. Сооруженный в 1959–1967-х гг. мемориальный комплекс «Мамаев курган» включил в образ Родины реальные захоронения, скульптуры «Родина-Мать зовет!», призывающую на битву своих детей, и «Скорбь Матери», отсылающую к Богородице (сама скульптура повторяет общехристианскую тему «Пьеты»). Пришел в движение мемориальный ресурс Родины-Матери, напитавший живых и павших вечной жизнью.

Особый тип родства, свойственный советской эпохе, формировался на базе фронтового братства, о чем позже напишет В. Высоцкий: «Наши мертвые нас не оставят в беде, наши павшие как часовые». Связь поколений обнаруживается не в территориальной или религиозной сфере, но в социальном пространстве. Небесное единство в вечности было отторгнуто атеистической культурой, но социальное единство приобрело сакральность, присущую образам Богоматери и Матери-Сырой-Земли. Общественное пространство дополнилось смыслами «братьские народы», «братьские республики», земли которых собирались в семью единого государства под общими знаменами и идеологемами. В настоящее время, как отмечают О. В. Рябов и Т. Б. Рябова, «Россия показывается в роли родной матери для представителей всех этносов государства; это отмечают руководители национальных республик (например, глава Чечни Р. Кадыров (Гамов, 2008)). Метафора родства, заключенная в сравнении страны с матерью, подразумевает естественную и потому неразрывную связь всех этносов РФ» [\[11\]](#).

В 2014 г. Т. Б. Рябовой и А. А. Романовой был проведен социологический опрос, по результатам которого можно сделать вывод, что наши современники не разделяют понятия «страна» и «родина», и относятся к ней как к чему-то неотъемлемому от существования: «Потому что она сильная, заботливая, она дает защиту, но и ее нужно защищать, любить и берегать, как мать» [\[12\]](#). В Родине-Матери сконцентрированы смыслы и сакральности, и естественной близости, родства, важность которых замечаешь только тогда, когда их теряешь. Это исследование можно счесть показательной иллюстрацией архетипа Матери как онтологической константы ценностного ядра русского способа бытия: «Важным элементом национальной идентичности является не только сам материнский образ России, но и специфика отношения к стране как к Родине-матери» [\[12, с. 145\]](#).

Россия для ее сыновей и дочерей — это нечто большее, чем государство, страна или народ. В этом образе сконцентрированы трансцендентные смыслы служения чему-то

высшему, значительному. Несмотря на все социальные изменения, вызовы, встающие перед ней, остались теми же, что и сотни лет назад. И ответы на эти вызовы остаются теми же, что и всегда, потому что они сформулированы особым отношением к миру и специфическим способом бытия, свойственными русской цивилизации.

Таким образом, мы можем выделить следующие свойства третьего слоя русского архетипа Матери:

- универсальные: трансцендентность, защита и покровительство, любовь к своим детям, сбиение «семи народов», неотвратимость кары за преступления против социального порядка;
- уникальные: социальное равенство, политическая мобилизация, гражданская идентичность, мемориальность.

Заключение

Человеческое бытие в антропоразмерном мире сместило фокус внимания с проблем существования мироздания на постижение экзистенции, пребывания личности в потоке времени «здесь и сейчас». В настоящее время мыслители предпочитают фиксировать гиперизменчивость мира, его асистемность и спонтанность. Но ни «бытование», ни «временение» даже не пытались претендовать на роль субстанций бытия в мировоззренческой картине, потому что процесс опорой быть не может по причине его вечного движения. Мы обитаем в символической вселенной, созданной предыдущими поколениями, и поиском субстанции занимаемся в представленных условиях. Физис Фалеса создан из воды и полон богов, «физис» современного философа создан из символов и полон смыслами. Символы являются составной частью картины мира и проникают в структуру бытия, и исследователь архетипов рано или поздно приходит к констатации их многослойности, уходящей корнями в субстанциальные глубины. Поэтапное считывание слоев можно назвать методом палимпсеста, и в случае его применения важно, что именно является объектом.

Традиционные онтологические категории «причины — следствия», «общего — особенного», «количества — качества», «части — целого» и т.д. разрабатывались для описания мира как метафизической системы. Но априорные условия, предшествующие любым рациональным схемам, формируются из чувственного и эмоционального опыта народа, заключенного в истоках его культуры. Таким образом, феномены коллективного бессознательного, объединяющие отдельных индивидов в общество, становятся для социумов своеобразными онтологическими константами.

Описанные выше темпоральные образы архетипа ставят человека перед чем-то большим, чем его земное существование. Они продолжают подспудно влиять на те сферы бытия, которые регулировали изначально: Мать-Сыра-Земля скрепляет клятвы, хранит телесный план живых и мертвых, Богоматерь спасает и очищает души, держит связь с трансцендентным, Родина-Мать воплощает призыв на защиту и родство всех граждан государства. В них воплощены свойства архетипа Матери вообще, и особенности, формирующие цивилизационный архетип в его универсальном и уникальном измерениях.

Универсальные характеристики архетипа Матери: земная природа; защита небес; трансцендентная связь земного и небесного; любовь к живым созданьям; связь с мертвыми; воспроизведение новых поколений.

Уникальные характеристики архетипа Матери: территориальное и духовное родство;

социальное, конфессиональное и этническое равенство; спасение от бед; поддержание воинского духа народа; гражданственность; хранение и передача памяти.

Благодаря этим свойствам коллективного бессознательного Россия готова принять в свою семью всех, кто разделяет ценности ее цивилизационного ядра, ведь именно они определяют место человека, его мировоззренческие установки, мотивы и результаты деятельности, что порождает метафизику антропоразмерных миров.

Библиография

1. Юнг К Г. Божественный ребенок: Аналитическая психология и воспитание. М.: «Олимп», АСТ-ЛТД, 1997. 400 с.
2. Okello W. K., Duran A. 'Here and There, Then and Now': Envisioning a Palimpsest Methodology // International Journal of Qualitative Methods. 2021; Vol. 20. URL: <https://doi.org/10.1177/16094069211042233>.
3. Антипов Г. А., Донских О. А. Миф и мифологическое в современном обществе // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2020. № 54. С. 39–50.
4. Давыдов А. И. Миф как культурная установка // Гуманитарные исследования. 2020. № 1 (26). С. 9–11.
5. Афанасьев Н. В., Лукина К. В. Миф в системе государственной идеологии: общие принципы // Человек и культура. 2023. № 3. С. 101–109. DOI: 10.25136/2409-8744.2023.3.40666
6. Тихонова В. Л. Современный миф как средство конструирования реальности // Вестник Астраханского государственного технического университета. 2018. № 2 (66). С. 134–138.
7. Волкова Н. П., Волкова А. А. Миф как политический инструмент воздействия на общественное сознание // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. 2023. Т. 13. № 3. С. 53–56.
8. Qadir A., Tiaynen-Qadir T. Deep Culture and the Mystical Agency of Mary in Eastern Christianity. Religions. 2018; 9(12): 383.
9. Shaev Yu., Samoylova E. The Semiotic of Archetypes and Images in the Folklore of Andes Region // Procedia-Socialand Behavioral Sciences, 92. (2013). 863–867.
10. Веселов Ю. А. Архетипы власти // Социум и власть. 2023. № 2 (96). С. 38–47.
11. Рябов О. В., Рябова Т. Б. Символ Родины-матери как ресурс формирования российской гражданской идентичности // Человек. Сообщество. Управление. 2016. Т. 17. № 2. С. 99–114.
12. Рябова Т. Б., Романова А. А. «Родина-мать» как культурно-семиотический ресурс современного российского антиамериканизма // Лабиринт. Журнал социально-гуманитарных исследований. 2015. № 4. С. 136–149.
13. Юнг К. Г. Душа и миф: шесть архетипов. М.-Киев : «Совершенство»-«Port-Royal», 1997. 384. с.
14. Эстес К. П. Бегущая с волками. Женский архетип в мифах и сказаниях. М.-Киев : «София», 2003. 496 с.
15. Нойманн Э. Великая мать. Женские изображения и символы. Спб.: Питер, 2022. 608 с.
16. Коринфский А. А. Народная Русь. М.: Институт русской цивилизации, 2013. 944 с.
17. Сахаров И. П. Сказания русского народа. М.: Институт русской цивилизации, 2013. Т. II. 928 с.
18. История русской литературы: в 4-х тт. / Под ред. Д. С. Лихачева, Г. Н. Макогоненко. Т. I. Ленинград: «Наука», 1988. 812 с.
19. Розанов В. В. Темный лик. Метафизика христианства. М.: Директ-Медиа Паблишинг, 2008. 440 с.

20. Соловьев В. С. Русский национальный идеал // Смысл любви: избранные произведения. М.: Современник, 1991. 525 с.
21. Вышеславцев Б. П. Вечное в русской философии // Этика преображенного Эроса. М.: Республика, 1994. 368 с.
22. Казаков Е. Ф. Образ Богородицы как архетип русской души // Вестник Кемеровского государственного университета. 2014. Т. 1. № 3 (59). С. 206–209.
23. Вдовин А. И. Национальные измерения победы в Великой Отечественной войне // Вестник Рязанского университета им. С. А. Есенина. 2005. № 1. С. 34–56.
24. Воронов Ю. С., Любезнова Н. В. Лингвоторический анализ выступления И. В. Сталина 3 июля 1941 года // Мир русского слова. 2019. № 3. С. 62–70.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Рецензируемая статья представляет собой интересную попытку описания и анализа образа Матери в русской культуре. Однако эту попытку трудно признать удачной во всех её составляющих, поскольку автору не удалось представить целостное видение заявленной темы. Во «Введении» автор даже не подступает к теме, это явный недостаток композиции статьи. Здесь также представлены две обширные цитаты, при этом каждый из источников по-своему замечателен, но подобные цитаты вряд ли уместны во введении, достаточно ссылок или небольших фрагментов. То же самое можно сказать и о первом фрагменте («Метод палимпсеста в социоантропологической метафизике»). Здесь автор зачем-то начинает с «американской философии», чтобы подойти к понятию архетипа, хорошо известному отечественному читателю и без столь далёкой «подготовки». И снова ссылки и цитаты, которые не имеют прямого отношения к заявленной теме. Уже на этом этапе у читателя появляются основания опасаться, что на рассмотрение заявленной темы места просто не останется, особенно, с учётом того, что статья небольшая по объёму (всего 0,5 а.л.). Второй фрагмент («Архетип как метафизический конструкт») добавляет концептуальные трудности: непонятно, каким образом автор переходит от юнгианской мифологии «европейской культуры и культуры вообще» к «символу Матери в русском способе бытия». Почему автор безвольно принимает ходячий предрассудок об универсальности идейных порождений одной культуры (в данном случае «Фаустовской») для интерпретации образов другой («Московско-Сибирской») культуры. Казалось бы, начало изложения не предвещало подобного «окольного» пути «вестернизации русской жизни». Ещё одна проблема подобного рода состоит в том, что автор – и опять же «явочным порядком» – отождествляет здесь образ Матери, заимствованный из русской «народной мудрости», и христианский образ Богородицы. Какие отношения их вообще связывают? Это, может быть, и есть самый главный пункт заявленной в названии темы, но автор его равнодушно «пересекивает». Ещё одна подобная «метаморфоза» поджидает читателя, когда он доходит до образа Родины-матери. Предположение, будто Сталин в известной речи обращается «к фундаментальному архетипу цивилизационного ядра России», звучит забавно, но неубедительно; скорее, тиран просто вынужден был вернуться к языку, понятному для русского народа, в котором, как он, наконец, осознал, лежит и его собственное спасение. С одной стороны, автор, кажется, стремится понять исток образа Матери в русской культуре (которую, разумеется, необходимо принимать во всей её сложности и «многослойности»), с другой стороны – «отвлекается» на внешние для задач статьи сюжеты: в начале изложения это юнгианство, в конце зачем-то

«всплывает» Витгенштейн. Остались в тексте и ошибки, опечатки, стилистические погрешности, особенно много их в первых абзацах. Например: «в попытках прозревания контуров грядущего, современные мыслители...» (зачем «прозревание»? И зачем запятая?); «американская философия, в поисках онтологических оснований и толчка для развития собственной культуры, предлагает...» (зачем запятые?); «...воскрешают архаические формы осмыслиения бытия для критики и стигматизации классических, заведших «куда-то не туда»» (пропущено «форм его осмыслиения?»); «современному философию будет продуктивно сосредоточить внимание...» (явно неудачное в стилистическом отношении выражение); «линеарная концепция времени Аврелия Августина как темпоральная ось европейской культуры, предполагала...» (зачем запятая? И почему «линеарная», а не просто «линейная», как это принято в нашей литературе? И почему Августина, если она характерна, и даже неизбежна, для всей христианской культуры?); «...вырастают из культуральных конструктов мифологического сознания» (почему не просто «культурных?»), и т.п. Следует констатировать, что статья имеет определённые перспективы публикации в научном журнале, но она должна быть основательно переработана.

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предметом исследования статьи «Архетип Матери как субстанциальная константа социоантропологической метафизики» выступают три уровня названного архетипа, представленные в Российской культуре образами: Мать-Сыра-Земля, Богоматерь, Родина-Мать. Целью исследования автор видит рассмотрение архетипа Матери в качестве субстанциальной константы русской цивилизации.

Методология исследования обозначается автором как «палимпсест», то есть, выявление нескольких исторических слоев в проявлении архетипа Матери. Автор исходит из гипотезы, что архетипы вообще и архетип Матери, в частности, можно рассматривать как образы коллективного бессознательного, имеющие специфические проявления в различных временных периодах. В дальнейшем автор пытается проиллюстрировать этот тезис общими размышлениями, посылками из других исследований и примерами.

Актуальность своего исследования автор связывает с социальной и мировоззренческой подвижностью современной эпохи, плурализмом ценностей и «низкой предсказуемостью будущего». По его мнению, эта ситуация делает важным поиск незыблемых опор бытия, связанный с процедурой «археологии смыслов», то есть, обращением к мировоззренческим константам, коренящимся в психике человека, коллективном бессознательном, архаических представлениях.

Научная новизна заключается в демонстрации присутствия трех временных слоев в архетеипе Матери и попытке обоснования тезиса о том, что именно этот архетип выступает «цивилизационным ядром России, над которой нависла угроза уничтожения».

В представленной статье автор ссылается на Юнга, как основателя анализа архетипов. Однако при чтении текста становится понятным, что автор достаточно далеко отходит от юнгианской трактовки этого понятия, обозначая его как «метафизический конструкт». Создается впечатление, что для автора архетип – это удобная метафора для того, чтобы порассуждать о женских образах в истории российской культуры и ее уникальности. Так, в начале статьи можно прочесть о временных пластиах архетипа Матери, который в различные периоды подставлен различными образами. Однако в дальнейшем, автор характеризует эти временные пласти как самостоятельные архетипы. Например,

переходя к образу Родина-Мать, автор делает утверждение, невозможное в рамках теории Юнга: «Формирование архетипа пришлось на начало Великой Отечественной войны...».

Структура статьи представлена последовательным рассмотрением таких архетипов/временных пластов архетипа, как: Мать-Сыра-Земля (архетип Матери в архаичной русской культуре), Богоматерь (архетип Матери в православной русской культуре), Родина-Мать (архетип Матери в современной русской культуре). По отношению к каждому из них автор выделяет "универсальные" и "的独特的" свойства, имея в виду видимо, что в архетеипе Матери, есть черты, присутствующие во всех культурах и те, что характерны только для русской культуры. К последним относятся: непреодолимая мощь, единство и равенство живущих на земле, воинский дух народа, его готовность защищать Мать (Мать-Сыра-Земля), духовное единение и равенство, спасение от внешних и внутренних бед, милосердие, покровительство здоровью и плодородию (Богоматерь), социальное равенство, политическая мобилизация, гражданская идентичность, мемориальность (Родина-Мать).

Автор считает, что предпринятая им «археология смыслов» способствует соотнесению индивидуального мировоззрения и с общечеловеческим мировоззренческим пространством, и пространством национальной культуры.

Однако в ходе своих рассуждений автор допускает ряд логических и фактических ошибок. Так, в части, посвященной первому варианту архетипа Матери, автор называет его архетипом «архаической русской культуры», тогда как архаическая культура никак не подразумевает национальной определённости. Далее автор в утверждении – «Мать-Сыра-Земля хранит своих детей, потому что без них она сирота», автор меняет местами причинно-следственные отношения, подобно детскому стишку : «Потускнело зеркало - солнце померкло / Лавка упала - земля задрожала». Фактическая ошибка содержится в утверждении: «русская православная культура своеобразна тем, что конфессиональную и территориальную общность объединила концепцией «Москва — Третий Рим». Источником этой концепции является отнюдь не русская, а византийская идея «стремящегося царства». Так же фактически не верно утверждать, что уникальность архетипа Матери во второй период его развития является то, что "Богоматерь становится небесной хранительницей русской земли", поскольку для Западной Европы культа Мадонны характерен в значительно большей мере, чем для России, а в польской культуре богочестивый культивируется сопоставим, если не превышает культа Иисуса Христа.

Библиография статьи включает 24 наименования работ как отечественных, так и зарубежных авторов, посвященных рассматриваемой проблеме. Автор активно апеллирует к этим работам.

Язык статьи характерен скорее для эссе, чем для научной статьи. Автор увлекается пафосными приемами, метафорами и аллегориями.

Аргументация ключевого тезиса исследования – архетип Матери является системообразующим для национальной русской культуры – выглядит недостаточно убедительным. Вместе с тем поднятая тема достойна обсуждения, в том числе и в ключе, предложенном автором статьи.